

БАЛ В ЧЕСТЬ МАСТЕРА

Дайте свет! Полный свет! Пусть будет как можно больше света! Он все-таки это заслужил... Сегодня для всех, кому дорог Булгаков, большой праздник, какой бывает раз в сто лет. Воистину, можно сказать, — великий бал. Помните:

«Бал! — пронзительно взвизнул кот, и тотчас Маргарита вскрикнула и на несколько секунд закрыла глаза. Бал упал на нее сразу в виде света». Вот так, ослепительным балом света, «упал» когда-то на нас удивительный булгаковский роман. Другая моя давняя студенческая юности, вы ведь не забыли те две сиреневые книжки журнала «Москва»? Мятые, зачитанные, переходившие из рук в руки («на одну ночь») и только потом уже бережно переплетенные в конволют, а зачастую терпеливо перепечатанные на машинке («вы, нынешние, мут-ка») или бледненько «отеренные» — какое это было бесценное сокровище!

Ныне, когда стало отчасти потребностью, отчасти модой рассуждать о феномене «шестидесятников», немаловажно понять, что именно Булгаков был одним из восторженных дум этого уже подернутого ностальгическим флером времени. То были годы возвращения Мастера. В самом деле: в шестьдесят втором году издаются «Жизнь господина де Мольера» и пьесы; в шестьдесят третьем — «Записки юного врача», шестьдесят пятый год — публикация «Театрального романа» в «Новом мире», в шестьдесят шестом вышла «Белая гвардия». И, наконец, рубеж шестьдесят шестого — шестьдесят седьмого годов, кульминация булгакиады тех лет: журнальный вариант «Мастера и Маргариты».

Как определить чувство, тогда испытанное нами? Потрясение? Чудо? Счастье? Это было какое-то всеобщее ликование. Такой высокой прозы мы давно не читали. Мы просто бредили ею. Втайне обьясь, что чудо вдруг исчезнет, мы перечитывали еще и еще раз: «В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат». И вновь ощущали комок в горле, в висках стучала кровь, и перехватывало дыхание, словно бы на горной вершине... Мы все боготворили Елену Сергеевну, вдову Булгакова, его верную Маргариту, которая сохранила бесценную рукопись. О ней ходили легенды, из коих неопровержимо явствовало, что она, конечно же, была ведьма.

Меж тем времена насту-

пали вполне невеселые, и критики в штатском, идейные борцы за литературную госбезопасность, затеяли вокруг «Мастера» мышиную возню в духе описанного им же недоброй памяти Латунского: дескать, роман так себе, средний в целом романчик, в рамки соцреализма не совсем укладывается, да и вообще, надо еще посмотреть, горят ли рукописи, и хорошо ли горят, особенно если подлить масла в огонь и поворошить критической кочергой. Со смешанным чувством восхищения и тревоги читали мы блистательно дерзкие ответные реплики В. Я. Лакшина в «Новом мире». Увы! Разгром любимого детища Твардовского не замедлил последовать, и единственное, что мы могли для него сделать, — это отказаться от подписки. Потянулись долгие унылые годы; все журналы как-то сникли, сделались одинаково безликими, и торжество серой литературы казалось бесконечным, как очередной телесериал. Но если становилось совсем невмоготу, можно было взять с полки заветный том, открыть на любой странице, и — «Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город». Все сразу становилось на свои места: есть подлинная литература, а есть массолитовский суррогат, осетрина второй свежести. Так Булгаков помогал нам пережить застой. А потом повеяли ветры перемен, и однажды теплым июньским днем восемьдесят седьмого года почта принесла в очередном номере «Знамени» булгаковское «Собачье сердце». Это казалось невероятным. «Собачье сердце», которое еще недавно тайно распространялось в самиздатовских перепечатках, за которое можно было угодить в места не столь отдаленные, и прецеденты имели место, — «Собачье сердце» вопреки логике всех внешних и внутренних цензоров, все-таки напечатано! Значимость этого факта для нашего общественного самосознания трудно переоценить даже на фоне публикаций Гроссмана, Бердяева, Солженицина. Перефразируя известную мысль Достоевского, рискну сказать — если бы однажды на высшем суде истории нас спросили: что дала вам эта ваша перестройка, то достаточно было бы молча протянуть «Собачье сердце».

Шариков — художественное и социальное открытие Булгакова, пугающие масштабы которого нам еще, пожалуй, предстоит познать во всей его «красе». Это они, современные Шариковы, озверелой толпой шатаются по улицам наших городов, упиваясь собственной значимостью и безнаказанностью. Это они, Шариковы, не успев

еще обрести до конца человеческий облик, участвуют в парламентских дебатах, самоуверенно разглагольствуя о демократии и социальной справедливости, каковая понимается крайне незатейливо, то есть исключительно в свою непосредственно пользу. «А то что ж: один в семи комнатах расселился, штанов у него 40 пар, а другой шляется, в сорных ящиках питание ищет». Отсюда вывод: отобрать все, что можно и быстро между Шариковыми поделить. Слушая подобные бредни, хочется повторить вслед за профессором Преображенским: «Вы стоите на самой низшей ступени развития... вы еще только формирующееся, слабое в умственном отношении существо, все ваши поступки чисто звериные и вы... позволяете себе с развязностью совершенно невыносимой подавать какие-то советы космического масштаба и космической же глупости о том, как все поделить... зарубите себе на носу... вам нужно молчать и слушать, что вам говорят. Учитесь и старайтесь стать хоть сколько-нибудь приемлемым членом социального общества».

Но Шариковы не любят вслушиваться в интеллигентские увещания. Они сами любят поучать. Не они ли, ничтоже сумняшеся, позволяют себе ныне попрекать самого Булгакова: зачем, дескать, он в «Батуме» пытался пойти на компромисс со Сталиным? Ах, какие мы стали смелые и радикальные, — сегодня, в эпоху дозволенной гласности, когда эта ничем, кроме скандальной славы, не чреват! Защищать Мастера от Шариковых не хочется, хотя... Вот лишь один фрагмент из письма Булгакова, адресованного Сталину. Имеющий уши — услышит.

«С конца 1930 года я хвораю тяжелой формой невращения с припадками страха и предсердечной тоски, и в настоящее время я прикончен».

...Причина болезни моей мне отчетлива известна. На широком поле словесности российской в СССР я был один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашенный ли волк, стриженный ли волк, он все равно не похож на луделя.

Со мной и поступили как с волком. И несколько лет гнали меня по правилам литературной садки в огороженном дворе.

Злобы я не имею, но очень устал... Ведь и зверь может устать. Зверь заявил, что он более не волк...

Причина моей болезни — многолетняя затравленность».

Это сравнение себя с затравленным волком потрясает еще и потому, что к такому

же самоощущению загнанного зверя независимо от Булгакова пришел и Мандельштам:

Мне на плечи бросается
век-волкодав,
Но не волк я по крови своей...

А три десятилетия спустя Нобелевский лауреат Пастернак скажет:

Я пропал, как зверь в загоне,
Где-то воля, люди, свет,
А за мною шум погоня,
Мне наружу хода нет.

Три затравленных зверя, три великих художника двадцатого века... Не вы ли, Шариковы, мгновенно начинали травлю, едва услышав «ату его!»

А впрочем, хватит о Шариковых. В конце концов, как сказано в эпиграфе к «Белой гвардии», «И судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими». И, кстати, раз уж речь зашла о «Белой гвардии»: теперь, когда кровавая тень гражданской войны бродит снова по многострадальной нашей родине, мы все чаще и чаще обращаемся к этому булгаковскому роману, к его теоретическому зачину: «Велик был год и страшен год по рождестве Христовом 1918, от начала революции второй». Но почему-то гораздо реже вспоминаются финальные строки «Белой гвардии».

«Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле. Нет ни одного человека, который бы этого не знал. Так почему же мы не хотим обратить свой взгляд на них? Почему?»

Такова истина, завещанная нам Булгаковым. И колебать ее, эту вечную истину, не может никто. Ни беснотный убийца Гестаса, ни жестокий пятый прокурор Иудеи всадник Понтий Пилат.

Р. КЛЕЙМАН,
канд. филол. наук,
доцент КГПИ.

«ГОРЬКИЙ СМЕХ БУЛГАКОВА»

Никому не мешаю, починая примус... Помните? Ну, конечно, великолепный неподражаемый булгаковский кот.

А вот вам хотят помешать. Помешать провести как всегда интересный вечер на кухне или на диване с газетой, или в полудреме у телевизора. Причем хотя довольно настойчиво и самоуверенно.

Когда? 21 мая.

Где? В ДК профсоюзов.

Кто? Ассоциация молодых писателей, готовящая вечер «Горький смех Булгакова».

Ну и что нам предлагают вместо до боли родного дивана и уже не менее родных очередей?

Факты биографии, исторические анекдоты, отрывки из «Театрального романа», «Мастера и Маргариты», «Собачьего сердца». Участвуют актеры театра им. Чехова и артисты театра оперы и балета. Кроме того, стихи, посвященные Булгакову, читают авторы. Кроме того, премьера документального фильма «Все, что есть, уже было и будет опять» режиссера А. Юрьевой. Кроме того — танец Бегемота (того самого, булгаковского). Кроме того — коммерческая игра под кодовым названием «3 из 13», сулящая счастливому победителю немалый выигрыш. Кроме того, еще кое-что, о чем организаторы говорить не стали, желая сберечь козыри.

21 мая — запомните эту дату. И что вы решили? Правильно, домой и только домой! На черта нам чей-то «горький смех», да?